

Таким образом, не случайно объект, которому заставляли поклоняться русские князья татары, летописец назвал «куст». Чтобы дать представление о смысле татарского обычая, он употребил понятное славянину слово, проводя тем самым аналогию между представлениями разных народов, в основе которых лежал культ предков. Поклонение князей «кусту» могло быть присягой на верность и означать отречение от своего «куста», своего «корня», рода. Понятно, что истинные русские патриоты, какими выступают в летописях Михаил Черниговский и позже Даниил Галицкий, не могли пойти на это.

Интересным также представляется и вопрос, не подкреплялось ли сходство содержания двух обрядов (славянского и татарского) чисто языковыми, в данном случае, конечно, омонимичными соответствиями. Как будто бы подтверждает это предположение интересное место в некоторых списках Ипатьевской летописи, где говорится о том, что приходящих к Батью водили «около коста». Думается, что это не ошибки писцов, напротив, другие переписчики, помня о славянском «кусте», исправили это место на «коуста».

Логично допустить, что свидетели гибели Михаила Черниговского слышали, как татары достаточно часто (особенно, может быть, при неоднократных напоминаниях о необходимости идти «сквозь огонь») повторяли слова, по звуковому облику напоминающие древнерусское «кусть»; от них эти слова могли быть усвоены летописцами первоначально, видимо, в виде «кость» (восходящего к словоформам с ударением на окончании), позднее, как говорилось выше, «исправленное» переписчиками. Память о языческом «кусте» должна была быть еще очень живой в то время, а о том, что это нечто запретное, противоречащее установлениям христианской церкви, свидетельствует уже упоминавшееся нами древнерусское поучение.

Сопоставление обряда «куста», фиксируемого ныне только на Полесье, и «куста» древнерусских летописей, ценно тем, что документально, хотя и косвенно, доказывает принадлежность первого всем восточным славянам.

¹ См.: Чичеров В. И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX веков.— М., 1957, с. 53.

² Здесь и далее используются записи кустовых песен, сделанные Р. М. Ковалевой в Пинском районе Брестской области.

³ См.: Веселовский Н. И. О религии татар по русским летописям.— Журнал Министерства народного просвещения, 1916, № 7, с. 86.

⁴ Соболевский А. И. Из истории словарного материала.— Русский филологический вестник, вып. 1, № 3—4.— Варшава, 1913, с. 90—91.

⁵ См.: Рыбаков Б. А. Основные проблемы изучения славянского язычества.— М., 1964, с. 8.

⁶ Романов Е. Р. Белорусский сборник, т. 1, вып. I—II.— К., 1886, с. 173.

⁷ Соболевский А. И. Указ. работа, с. 90.

⁸ Пропп В. Я. Русские аграрные праздники.— Л., 1963, с. 96.

⁹ См.: Зилинский О. Из истории восточнославянских народных игр (Кострома—Коструб).— Русский фольклор, XI.— М.— Л., 1968, с. 207, 211.

¹⁰ Добрыня Никитич и Алеша Попович.— М., 1974, с. 164.

К БИОГРАФИИ Н. К. МИХАЙЛОВСКОГО

(Публикация, вступительная заметка

и комментарий А. С. Малинина)

Изучение русской общественной мысли, литературного процесса и истории журналистики последней трети прошлого века не будет полным без выяснения роли Н. К. Михайловского—социолога, критика и редактора. Между тем, эта задача далеко еще не выполнена, остается неизученной и биография Михайловского, хотя после долгого перерыва появились новые работы о нем.

Никто более В. И. Ленина не сделал для идейного разгрома народничества в 90-е годы, но уже в 1914 году, когда либерально-буржуазная и буржуазно-демократическая пресса широко отмечала десятилетие со дня смерти Михайловского, Ленин находил возможным исторический подход к оценке его наследия.

В статье «Народничество и класс наемных рабочих» В. И. Ленин писал о том, что теория о «миновании Россией фазы капитализма» была

типичной мелкобуржуазной социалистической утопией в стране, где не было еще рабочего движения. Поэтому во многих странах, как и в России, революционному пролетариату приходилось вести упорную борьбу против подобных теорий.

«Великой исторической заслугой Михайловского в буржуазно-демократическом движении в пользу освобождения России было то, — писал В. И. Ленин в статье «Народники о Н. К. Михайловском», — что он горячо сочувствовал угнетенному положению крестьян, энергично боролся против всех и всяких проявлений крепостнического гнета, отстаивал в легальной, открытой печати — хотя бы намеками сочувствие и уважение к «подполью», где действовали самые последовательные и решительные демократы-разночинцы, и даже сам помогал прямо этому подполью...

Мы цествуем Михайловского за его искреннюю и талантливую борьбу с крепостничеством, «бюрократией» (извините за неточное слово) и т. д., за его уважение к подполью и за помощь ему, но не за его буржуазно-демократические взгляды, не за его колебания к либерализму, не за его группу «социал-кадетов» «Русского богатства»¹.

Изучение критических и публицистических работ Н. К. Михайловского будет тем плодотворнее, чем яснее определятся его место среди современников и степень его общественного влияния.

Выявление анонимных статей и рецензий Михайловского, публикация его писем, писем и мемуаров других лиц могут оказаться полезными в этом отношении.

Предлагаемые фрагменты писем Н. К. Михайловского расширяют наши представления о существенных моментах его жизни. Четыре из них адресованы сестре критика Е. К. Мягковой. Переписка с нею, продолжавшаяся почти 50 лет, является важнейшим источником изучения биографии Михайловского, но из нее до сих пор были опубликованы лишь немногие строки, в которых, в частности, говорилось об участии Михайловского в студенческих беспорядках и об организации им под влиянием идей Чернышевского переплетной мастерской².

Михайловский редко ставил даты на письмах. Большую работу по датированию копий писем Е. К. Мягковой, хранящихся в ЦГАЛИ, проделала ее дочь М. Г. Куприянова и переписчик, сотрудник Костромского государственного областного музея Ф. Рязанский. Уточнения, предлагаемые нами, помещены в скобках.

№ 1. Е. К. Мягковой. Январь 1878 года.

«<...> Со смертью Некрасова (хотя это, кажется, случайное совпадение) я произведен в генералы, стал пайщиком в издании «Отеч. Зап.» вместе с Салтыковым и Елисеевым. Духовно это выражается значительной свободой и самостоятельностью, а материально прибавкой в 50 руб. к месячному жалованью и 3 или 3½ тысячами в конце года из чистого дохода <...> Ну, и если умру или очень захвораю, так до окончания срока контракта с Краевским я или семейство получает по 150 руб. в месяц.

Работы от этого хотя сравнительно немного прибавляется, но довольно нехвати, потому что летом я буду, кроме того, занят приготовлением к отдельному изданию своих сочинений или, по крайней мере, одной книги. А это дело будет немалое <...>³

№ 2. Е. К. Мягковой. (После 26 июля 1879 года.)

«<...> Предлагаю рассказ о событии, которое, предваряю, кончилось наиболее благополучнейшим образом.

В ночь с 24 на 25 июля, во втором часу, когда мы уже легли спать, послышался стук в дверь и шум голосов. (Дело было на даче). Я встал, закутанный в одеяло, отворил окно и увидел жандармов, станового, урядника и понятых. На вопрос мой, что им нужно, я был схвачен жандармом за руки (через окно) и до тех пор не выпущен, пока всей этой толпе не отворили дверь. Тут начался бессмысленнейший обыск каждого уголка, каждой писаной бумажки, каждой коробочки. В конце концов был составлен протокол обыска, из которого явствует, что ничего предосудительного у дворянина Михайловского майор Огарев с братией не нашел⁴. Дети хоть и просыпались, но испуганы не были. Людмила⁵ вела себя молодцом: не только мне не нужно было за ней ухаживать, но еще она меня успокаивала, потому что первое время, когда меня хватили за руки, мешали одеться и рылись в людмилиных письмах, я был очень возмущен.

На другой день поехал в город и нашел квартиру запечатанной. Дал знать в полицию о своем приезде и вновь вытерпел обыск. Результат

тот же самый. Когда-нибудь при свидании расскажу подробности — есть смешные, есть и возмутительные...»⁶

№ 3. Е. К. Мягковой. Выборг. Конец 1882 — начало 1883 года⁷.

«...Ты желаешь подробностей моей истории. Только немножко издаleка начинать надо. Вот уже без малого два года, как я живу в постоянных душевных волнениях, причины и характер которых и на словах было бы трудно рассказать, а не то, что в письме. Внешним образом это выражается тем, что я разучился держать себя на вожжах, чем прежде перед самим собой хвастался. Даже к психиатру обращался, чтобы покончить с этой тяжелой штукой, но толку никакого, разумеется, не вышло. 27 ноября Технологический институт давал бал. Я, как и в прежние годы, получил почетный билет и, как в прежние годы, поехал поздно, часов в 11. Не успел войти, как меня узнали и с разными приветствиями на руках понесли в так называемую «мертвецкую» (особое учреждение на студенческих балах; отдельная большая комната, где нет ни музыки, ни танцев и где пляшут, поют, кричат, пьют, как кому вздумается). Все это и прежде бывало, и ничего из этого не происходило. Но на этот раз, когда меня поставили на эстраду и когда я увидел перед собой целое море голов, я не выдержал и стал говорить. Не верь разным вздорам, которые рассказывают о моих речах. Говорил я почти буквально вот что: «Я понимаю, что не ко мне лично относятся ваши приветствия, а к тому направлению, которое я представляю в литературе, позвольте же мне обрисовать это направление не совсем обычно, но верной формулой; направление это складается из двух элементов: элемента совести, который определяет наши отношения ко всем обездоленным и к народу, на счет которого мы живем, и элемента чести, определяющего наши отношения к тем, кто ежедневно, ежечасно нас оскорбляет; здесь, на празднике молодости, я пью за честь и за совесть». Не ручаюсь, конечно, за форму, но содержание было таково. Это ли содержание, форма ли, несдержанность ли чувства, с которым было говорено, или, наконец, просто настроение аудитории, но последовала целая буря аплодисментов, и едва я сошел с эстрады, как меня опять на нее внесли, требуя, чтобы я говорил о студенческих беспорядках. Я сказал опять почти буквально вот что: «Я не жду никаких благих практических результатов от ваших волнений, напротив, но меня радует их нравственная сторона; не о каких-нибудь специальных студенческих правах идет речь, и в массе вы, может быть, сами не сознаете, против чего вы протестуете; вы протестуете против того страшного, невероятного напыла подлости, который нас всех одолевает». Уверяю тебя, что резче этого не говорил ничего. Затем были уже не речи, а разговоры с отдельными кучками, и разговоры этих решительно не помню. Через несколько дней давали бал Бестужевские женские курсы. Курсистки завели меня в отдельную комнату, одна из них сказала мне какое-то приветствие, мотивируя его моим поведением на балу технологов, и вслед за тем меня осыпали цветами. Ты можешь себе представить мое смущение, но надо было отвечать. Ответил вот что: «Всякий раз, когда меня так встречает учащаяся молодежь, я роюсь в совести своей и спрашиваю себя: за что? Вот, я думаю, за что. Я не начальник ваш, не товарищ, не профессор, не брат, нет между нами никакой формальной связи, но есть связь, которая выше и чище самых высоких формальных связей. Секрет этой связи очень простой: я грешный человек, да ведь и вы не святые, но в наших отношениях мы становимся друг другу только светлыми своими сторонами, только сторонами добра и правды. Пусть же эта связь растет и крепнет, и не только между нами; пусть все люди войдут в этот союз добра, и тогда мы, седые, скажем вам, чьи волосы не посеребрены ни годами, ни горечью жизни, один старый, но до сих пор не осуществленный стих: «вам, дети, счастье и свобода, широкий путь, разумный труд». Вот тебе полный отчет о моем, для меня самого неожиданном, ораторстве. А результаты такие: 16 декабря оберполицмейстер объявил мне, что за это самое ораторство я должен до 1 января убраться из Петербурга, прибавив, что таково распоряжение министра внутренних дел. Дальше выяснилось, что нельзя жить и в Петербургской губернии (и, кажется, вообще в местах, состоящих на положении усиленной охраны). Я выбрал Выборг: четыре часа езды от Петербурга, и поэтому можно почти не прерывать занятий. Долго ли протянется издание⁸ — не знаю, как не знаю, за что я выслан. Речи — только предлог⁹. Это видно из того, что выслан также Шелгунов (редактор «Дела»), который, хотя и был все время со

мной на балу технологов, но ничего не говорил. С этим самым Шелгуновым я и живу в Выборге...»¹⁰

№ 4. Е. К. Мягковой. (Петербург. Между 10 сентября и 10 октября 1885 года.)

«<...> С тех пор, как я писал тебе, прибавилась еще одна перспектива работы, а затем я и окончательно (не совсем, однако, как сейчас увидишь) уселся.

1) Предполагалось, да и до сих пор, пожалуй, предполагается новый журнал, но так как обстоятельства поставили во главе этого предприятия Гл. Ив. Успенского, то ничего из этого не вышло и, полагаю, не выйдет.

2) Пригласили меня в «Северный вестник».

3) Предложил Соболевский¹¹ писать четыре фельетона в месяц.

Выбрал я «Северный вестник»¹². Это вот что. Жили-были богатая купчиха Сабашникова и доктор прав Евреинова. Затеяли они журнал. Сабашникова — издательница, Евреинова — редакторша. Евреинова, очень почтенная и милая дама, но бестолковая вообще, а в журнальном деле совсем неопытная, взялась за дело сама, но выпустивши одну несообразную книжку и догадавшись, что и следующие будут несообразны, стала искать варяга. Варягом этим оказался я. Мне и предложено 150 р. в месяц за редакционную работу, кроме, разумеется, по листной платы, и с обещанием увеличить жалованье при первой возможности. С Евреиновой ладить можно, тем более, что я, конечно, наведу в журнал своего народу¹³. Но я все-таки смотрю на эту историю только как на опыт, потому что «Сев. вестник» издается под цензурой, а она теперь необыкновенно люта. Если придется бросить, приму предложение Соболевского. Понятно, что за ближайшие номера «Сев. вестника» я никакой ответственности на себя не беру <...>»¹⁴

№ 5. С. Н. Кривенко. Любань, 8 февраля (1887 года).

«<...> В «Сев. вестнике» я дальше оставаться решительно не могу. Формальный разрыв по обстоятельствам должен быть отложен недели на 1½, на 2, но я решительно не могу себе представить, чтобы в этот срок случилось что-нибудь, способное отменить мое решение.¹⁵ Я тебе писал подробности о «Сев. вестн.», но, может быть, они попали в те письма, которые не дошли. Во всяком случае с тех пор многое выяснилось и определилось. Определилось, во-первых, положение подцензурного журнала. Ничего подобного я себе представить не мог, я не знал, что такое цензура, а теперь узнал. Просто хоть собрание анекдотов пиши, т. е. собрание анекдотов о цензуре. И когда рядом есть журналы бесцензурные, то конкуренция невозможна. Определилась и Анна Михайловна Евреинова. Это дама в высшей степени бестолковая, взбалмошная, ничего в деле не смыслящая, но в то же время необыкновенно самолюбивая и саможнящая. Тут опять целый ряд анекдотов. Я старался вести себя как можно деликатнее, делая уступки и стараясь щадить ее самолюбие. Но никакой возможности. В конце концов решительно руки опускаются, и не видишь цели и смысла в трате времени на чтение рукописей и тому подобную черную работу ради журнала, который неизбежно провалится. Спасти его могут только две вещи: выход из-под цензуры и совершенное невмешательство Евреиновой. И то и другое невозможно. Значит, и конец <...>»¹⁶

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 333—334, 336—337.

² См.: Макаров В. П. Формирование общественно-политических взглядов Н. К. Михайловского. — Саратов, 1972, с. 18, 28—29.

³ ЦГАЛИ, ф. 308, оп. 1, ед. хр. 8, л. 103—104.

⁴ В. А. Твардовская совершенно справедливо считает, что Михайловский был, по всей вероятности, предупрежден об обыске народолюбцами. Его подозревали в участии в подпольной печати и содействии укрывательству типографии. (См.: Твардовская В. А. Н. К. Михайловский и «Народная воля». — Исторические записки, вып. 82. — М., 1968, с. 182—183.)

⁵ Л. Н. Левицкая, жена Н. К. Михайловского.

⁶ ЦГАЛИ, ф. 308, оп. 1, ед. хр. 8, л. 124—125.

⁷ Нами уточнена датировка М. Г. Купреяновой (1882—1883 годы). Это подтверждается воспоминаниями Н. К. Михайловского о Н. В. Шелгунове в некрологе «Памяти Николая Васильевича Шелгунова». «В конце 1882 года, — пишет Михайловский, — нам пришлось ехать вместе в Выборг, где мы вместе же и поселились». (См.: Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания, т. 1. — М., 1967, с. 382.)

⁸ Очевидно, Н. К. Михайловский имеет в виду «Отечественные записки».

⁹ В ряде работ (Горев Б. И. Николай Константинович Михайловский.— М., 1931, с. 58; Твардовская В. А. Указ. соч., с. 194; Яковлев Н. В. Комментарии к XIX т. Полн. собр. соч. М. Е. Салтыкова-Щедрина.— М., 1939, с. 499) указано, что причиной или одной из причин высылки было предательство Дегаева. На самом деле вопрос о высылке Михайловского был решен до предательства Дегаева. М. Е. Салтыков-Щедрин писал о высылке Михайловского Н. А. Белоголовому и Л. Н. Толстому 18 и 21 декабря 1882 года, а Дегаев вступил на путь предательства после захвата 20, а по другим данным, 18 декабря одесской типографии «Народной воли» и ареста лиц, причастных к ней (в том числе и Дегаева). (См.: Былое, 1906, № 4, с. 35—36; Фигнер В. Н. Запечатленный труд, т. 1.— М., 1964, с. 355).

Правительство выслало Михайловского, находившегося под негласным надзором полиции с 1879 года, подозреваемого в пособничестве революционерам, за его статьи в «Отечественных записках» и за его речь на вечере студентов Технологического института.

Правительство знало от Дегаева об обсуждении Михайловским и Фигнер его предложений Исполнительному Комитету (См.: Михайловский Н. К. Полн. собр. соч., т. X.— СПб, 1913, стлб. 55), знало, вероятно, и о намерении Михайловского работать в восстанавливаемой подпольной печати — для этого была создана типография Дегаева, но вряд ли оно хотело, преследуя Михайловского, дойти до выяснения контактов своих высокопоставленных сановников с «Народной волей».

¹⁰ ЦГАЛИ, ф. 308, оп. 1, ед. хр. 8, л. 146—151.

¹¹ Соболевский В. М. (1846—1913) — редактор газеты «Русские ведомости».

¹² Первый номер «Северного вестника» вышел в сентябре 1885 года. Как следует из письма, сотрудничество Михайловского началось до выхода второго номера и продолжалось с перерывом с марта по сентябрь 1887 года (о возобновлении работы в сентябре Михайловский упоминает в письме В. Г. Короленко. См.: Короленко В. Г. Избранные письма, т. 3.— М., 1936, с. 40) и до апреля 1888 года.

¹³ В «Северном вестнике» сотрудничали Г. И. Успенский, В. Г. Короленко, А. П. Чехов, А. Н. Плещеев, В. М. Гаршин, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Н. Е. Каронин-Петропавловский, Н. Н. Златовратский, К. М. Станюкович, Н. В. Шелгунов, Г. З. Елисеев, А. М. Скабичевский, С. Н. Южаков, В. П. Воронцов, Д. И. Менделеев, Н. Н. Миклухо-Маклай и др.

Уже в январе 1886 года начальник Главного управления по делам печати распорядился, чтобы цензор «Северного вестника» с особенной строгостью относился к журналу, ибо он «...во многом напоминает «Отечественные записки», прекращенные за вредное направление». (Очерки по истории русской журналистики и критики, т. II.— Л., 1965, с. 399.)

С уходом Михайловского прекращается сотрудничество в «Северном вестнике» большой группы писателей и публицистов, журнал теряет свое лицо, в 1890 году переходит в другие руки и меняет направление.

¹⁴ ЦГАЛИ, ф. 308, оп. 1, ед. хр. 8, л. 268—270.

¹⁵ Сообщая В. Г. Короленко о разрыве с «Северным вестником», в апреле 1888 года Н. К. Михайловский назвал три причины: «1) тяжесть цензуры, от которой, по-видимому, А. М. Евреинова и не помышляет отвязаться; 2) двоедушие А. М. по отношению ко мне; 3) очевидность наших разногласий во многом важном». (Короленко В. Г. Избранные письма, т. 3.— Л., 1936, с. 40.)

¹⁶ ЦГАЛИ, ф. 2173, оп. 1, ед. хр. 154, л. 10, 10 об., 11.